

К 100-летию Тюменского
драматического театра

СЧАСТЬЕ АКТЕРА

то уже знакомое, запомнившееся. Георгий Иванович счастливо избегает этого. На нашей тюменской сцене за десять лет работы в театре им создан не один десяток ролей.



ниях с другими действующими лицами.

Ведь случается же иногда, что, не вникнув глубоко в содержание пьесы, актер обращается к чисто внешним приемам, а порой и к трюкачеству, и этими внешними приемами заслоняет или искажает само существо авторского замысла.

Было это, что скрывать, в первые годы актерского пути. Было... Но с помощью опытных мастеров сцены, режиссеров росла зрелость, а с нею рождалось и критическое отношение к самому себе. Советами Дьяконов-Дьяченко не пренебрегал. И, пожалуй, самыми близкими советчиками были книги театральных русских и советских деятелей. Крепко запомнились актеру в пору становления его зрелости слова Немировича-Данченко:

— На сцене ничто не бывает чересчур, если это верно. Любая самая смелая мизансцена, любое заострение, преувеличение будут оправданы, если они служат более глубокому отражению действительности, если они помогают зрителю воспринять то, что достойно восхищения, глубже проникнуться ненавистью и презрением к тому, что заслуживает этой ненависти и презрения.

И еще одну очень важную мысль запомнил актер: всякий раз, когда тот или иной актерский трюк, нажим на «рабобит» на лучшее раскрытие актерского замысла, служат самоцелью, средством пустого развлекательства или щекотания нервов, это всегда будет воспринято зрителем как инородное тело в спектакле, как отрыв от жизненной правды.

Чувство тревоги за создаваемый образ долго еще не покидало актера. От спектакля к спектаклю Стрешнев-Дьяконов проверял себя на зрителе. Проверил и каждый раз вносил что-то новое, пусть и маленькое, незначительное, но герой становился полнокровнее, колоритнее. Все подмеченное в жизни: и лицо, и поведение, и характер, все существо образа, наконец, схвачены актером и переданы посвоему.

И мы, тюменские зрители, действительно на сцене увидели не актера Дьяконова-Дьяченко, а героя пьесы — Никиту Стрешнева.

— Поразительное перевоплощение! — вот первые восклицания зрителей с первых же актов пьесы.

Стрешнев-Дьяконов на сцене появляется не часто. Но образ, созданный актером, сразу же привлекает всеобщее внимание к себе. Как дорого зрителю, как благодарен он актеру, когда та или иная, даже на первый взгляд незначительная деталь, тонко продуманные жест, мимика, позволив ему вдруг открыться в пьесе какой-то незамеченный раньше оттенок мыслей или чувства, какую-то важную подробность, неожиданную сторону взаимоотношений героев. Нам кажется, что вот таким путем идет в работе над образом, над очередной ролью Георгий Иванович Дьяконов-Дьяченко.

Мы говорили, что на сцене видели и слышали не Дьяконова, а именно Стрешнева. А в других спектаклях, в других ролях? Георгий Иванович, можно безошибочно сказать, ни в одной роли не повторился, а нашел для каждого героя только ему, этому образу присущее, характерное, особенное.

Многогранность творчества, способность, имея в виду натуру, влезать, так сказать, в кожу действующего лица, изучать его идеи, характер, поведение, в связи с окружающей его средой — в этом, пожалуй, характерная особенность актерского дарования Дьяконова-Дьяченко. А эта особенность очень важна. Положение единственного в городе драматического театра обязывает ставить пьесы самого различного характера, стиля, жанра. Разные авторы, разные пьесы, разный мир образов, чувств, конфликтов... И беда, коль актер из спектакля в спектакль переносит что-

то уже знакомое, запомнившееся. Георгий Иванович счастливо избегает этого. На нашей тюменской сцене за десять лет работы в театре им создан не один десяток ролей. Созданы образы самых различных планов и характеров. Барон («На дне») и Софрон («Русские люди»), Пеклеванов («Бронепоезд 14-69») и Сказочник («Снежная королева»), полковник Васильев («Повторный визит») и Швандя («Любовь Яровая»), Шприх («Маскарад») и Сергей («Две сестры»)... Можно перечислять эти противопоставления, но и приведенного достаточно, чтобы понять, каково многообразие совершенно противоположных образов героев в репертуаре актера. И каждый раз зритель видел не артиста, а именно того героя, образ которого он создавал. И этот герой, какую бы он нагрузку не нес, — положительную или отрицательную, надолго запоминается зрителю.

Мы специально больше внимания уделили роли Никиты Стрешнева, ибо это одна из последних работ Георгия Ивановича. И мы попытались хотя бы чуточку взглянуть в творческую лабораторию актера.

Отдельно следует сказать об актерской удаче Дьяконова-Дьяченко в работе над образом Владимира Ильича в пьесах «Семья» и «Кремлевские куранты». В свое время зрители, общественность, печать оценили труд актера, первым выступившего на сцене нашего театра в роли Владимира Ильича Ленина. Нет необходимости в настоящем очерке подробно вспоминать о тех больших творческих переживаниях, поисках, о трудностях, которые пришлось преодолевать Георгию Ивановичу. Об удачах и неудачах, о все новых и новых поисках, о большом творческом труде над историческим образом рассказывалось ранее и в печати, и в выступлениях актера при встречах со зрителями. И мы, зрители, благодарны талантливому артисту, сумевшему донести до нас близкий, дорогой и величественный образ Ленина. И дело тут, думается, не столько в масштабе таланта или совершенстве мастерства. Дело в понимании образа, в широте замысла, то есть в идейных целях актерского перевоплощения.

Скоро будет отмечаться знаменательное событие в культурной жизни нашего города и области — 100-летие со дня основания Тюменского драматического театра. Ряд поколений актеров выступил на его подмостках. Многие творческие имена вписаны в страницы истории старейшего театра в Сибири. К юбилейной дате актер Георгий Дьяконов-Дьяченко приходит зрелым, растущим художником. Его многолетний творческий труд на сцене театра, созданные им художественные образы, и, в первую очередь, Владимира Ильича, дополнили страницы истории театра советского периода, периода становления и расцвета социалистического реализма в театральном искусстве.

Около десяти лет из своей театральной деятельности провел Дьяконов на тюменской сцене. Здесь, в нашем городе, пройдена им большая половина всего творческого пути... Творческого пути! Он еще не очень велик, этот путь. Он, если так можно сказать, пробует еще в юношеском 15-летнем возрасте. Да! Действительно, в юношеском, если учесть, что актеру всего 34 года. Впереди — непотоптанный край работы, творческих дерзаний...

Впереди! Это слишком громко. Ибо «позади» у актера — очень короткая биография, мало чем отличающаяся от биографий многих его сверстников: воспитание в семье оренбургского актера, школа ФЗО и первая в то время любительская роль в пьесе Виктора Гусева «Слава», служба в артиллерийской части на фронтах Отечественной войны. И, наконец, заветная и давнишняя мечта — сцена!

Актеру 34 года. Он полон энергии и творческих замыслов. И он, Георгий Дьяконов-Дьяченко, актер-коммунист претворит в жизнь свои планы. Он понимает, что его труд нужен советским людям. А в служении народу артист видит свое высшее призвание, свое счастье.

Ф. КРИЦКИЙ.

На снимке: Г. И. Дьяконов-Дьяченко.

СПЕКТАКЛЬ шел в районном центре. Его смотрели колхозники, механизаторы, интеллигенция ближних и дальних сел. С большим вниманием зрители следили за событиями, развертывающимися на сцене. И внимание, и бурное реагирование на наиболее острые моменты — все говорило о том, что спектакль задевает за живое. Казалось, что вот эти люди, жившие на маленькой сцене, где-то встречались, что радости и неприятности героев пьесы, их промахи и победы были где-то рядом... Только здесь, на сцене, эта жизнь, знакомая и близкая, вдруг предстала как в собирательном зеркале. И то, что казалось очень сложным, неразрешенным, решалось удивительно просто! От этого становилось легко и хорошо.

Но вот спектакль окончен. Не будем говорить об аплодисментах, без них, конечно, не обошлось. Давайте лучше пройдем следом за высоким человеком в полинявшей военной фуражке, энергично, с помощью локтей, пробравшемся к сцене. На ходу, боясь, что опоздает, он громко крикнул:

— Товарищ Стрешнев! Погодите!

Высокий был не один. Его вопрос привлек много любопытных. И около сцены столпились люди и молодые и старые.

— Товарищ Стрешнев! — продолжал высокий, — скажи, ты не нашего ль Афанасия Лукича изобразил? Ей-ей, как две капли воды. Есть у нас в колхозе такой «отрицательный». Хитер, и до чего ж башковит! Правильно ты его схватил.

А Стрешнев, еще в гриме, только и с движениями другими, и осанкой другой, смущенно улыбался. От неожиданного вопроса он чуть-чуть растерялся. Что мог ответить артист Дьяконов-Дьяченко, исполнявший роль Никиты Стрешнева в спектакле «Дали неоглядные»? Ведь он не был именно в том колхозе и не встречался с Афанасием Лукичом. Бывал он в других сельских местах, подматривал, искал в людях черточки, нужные для лепки образа героя. Наблюдение жизни во всем ее многообразии и сложности подсказало актеру правильный путь в раскрытии образа, задуманного автором пьесы. И артист, чтобы не обидеть зрителя, не погасить в нем новое чувство, рожденное вот здесь же, на спектакле, ответил:

— Видел! Точь-точь такого, как ваш Афанасий Лукич!

Для актера разговор со зрителем был большой наградой. Даже аплодисменты не принесли ему такого морального удовлетворения.

Этот бесхитростный вопрос принес актеру первую радость в новом спектакле. Значит, труд, поиски принесли желанное. Значит, начало сделано. А как говорить, «лиха беда начало»... Но где-то там в сознании потихонечку зашевелилось подозрение: а не скопировал ли я полностью где-то виденного человека, не подражаю ли просто его внешним привычкам, голосу и ухваткам? Подозрение это росло, и он еще раз перечитывал пьесу, критически осмысливал поведение героя в столкнове-